

1

Научный коммунизм как учение изложен в трудах его основоположников, классиков марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин шаг за шагом, от одного произведения к другому неизменно пополняют сокровищницу человеческих знаний, внося все новые и новые моменты в свое учение, развивая его дальше на основе новейших открытий науки и опыта революционной борьбы пролетариата.

В ряде классических произведений марксизма одно из выдающихся мест занимает «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» Фридриха Энгельса.

Пятьдесят три года назад, по предложению редакции журнала «Neue Zeit» (орган немецкой социал-демократии), Энгельс написал критический разбор книги Штарке о знаменитом философе-материалисте Людвиге Фейербахе. Сама книга Штарке особого внимания не заслуживала. Энгельс пишет, что Штарке в понимании вопросов философии стоит неизмеримо ниже Фейербаха. Книга Штарке была лишь поводом для Энгельса выступить по ряду важнейших теоретических вопросов, волновавших тогда революционные слои рабочего класса и передовую социалистическую интеллигенцию.

По сути дела, книга Энгельса «Людвиг Фейербах» является подведением итогов многолетней совместной работы Маркса и Энгельса в области разработки философского учения марксизма—диалектического материализма. В предисловии к изданию этой работы отдельной

брошюрой, помеченном 1888 г., Энгельс указывает, что он за эту работу охотно взялся потому, что «...все более и более казалось своевременным сделать краткое, связное изложение нашего отношения к гегелевской философии,—нашей первоначальной связи, равно как и нашего разрыва с нею. Точно так же я считал, что за нами остается долг чести: полное признание того влияния, которое имел на нас, больше, чем какой-нибудь другой философ после гегелевской эпохи, Фейербах в наш период бурных стремлений»¹.

После смерти Маркса Энгельс все свои силы отдал обработке и изданию «Капитала», так как при жизни Маркса вышел только первый том этого произведения. Энгельс за 12 лет работы без Маркса издал только два своих произведения: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Людвиг Фейербах». Оба эти труда имеют характер выполнения духовного завещания Маркса. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс использовал огромный материал, подготовленный для работы Марксом. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс выполняет «долг чести», свой и Маркса, показывая отношение Маркса и свое к философии Гегеля и Фейербаха.

Книга Энгельса «Людвиг Фейербах» является одним из замечательнейших произведений в марксистской литературе. В необычайно сжатой по объему книге дано изложение основных вопросов мировоззрения марксизма. Особо следует отметить, что книга эта написана уже после того, как Марксом и Энгельсом были написаны все труды, включая и «Капитал». «Людвиг Фейербах»—это одно из последних произведений Энгельса, оно написано в последний период его жизни. Весь величайший опыт своей совместной деятельности с Марксом, всесторонняя разработка их учения, распространение этого учения среди рабочих и передовой интеллигенции мира были учтены Энгельсом в этом труде. Поэтому правильно будет назвать эту книгу в известном смысле итогом полустолетней работы великих основоположников и творцов научного коммунизма.

«Людвиг Фейербах» Энгельса принадлежит к числу выдающихся произведений марксизма и заслуженно пользуется великой любовью и популярностью среди рабочих всего мира, является настольной книгой каждого, кому

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 633—634.

дороги интересы революционного марксизма. Недаром эту книгу встречали в штыки все реакционные писаки вместе с полицейской цензурой. Русская царская цензура уже через три месяца после выхода этой книги в Германии (1888) «заботится», чтобы она не проникла в Россию, так как книга эта может «легко произвести смуту и вредное влияние в голове неподготовленного читателя»,—писал цензор Копылов.

Спору нет, эта книга действительно несла «смуту» в народ, поднимая его на борьбу против капиталистического рабства. По этой книге миллионы и миллионы людей учились и будут учиться революционному марксизму. Написана книга увлекательно, основана на богатейшем материале из всех областей науки и доступна всякому, кто имеет общеполитическую подготовку.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс прослеживает историческое подготвление марксизма и выясняет важнейшие вопросы марксистского мировоззрения.

Энгельс дает замечательную характеристику классического немецкого идеализма от Канта до Гегеля, показывает существо и противоречия гегелевской философии и выясняет ее великое историческое значение. Энгельс отмечает ту исключительную роль, какую сыграла материалистическая философия Фейербаха в переходе Маркса и Энгельса к диалектическому материализму. Наряду с этим Энгельс развивает положительную трактовку коренных вопросов марксистской философии и исторического материализма.

Классический немецкий идеализм развивался в условиях подготовки в Германии буржуазной революции. Феодалная Германия начала XIX в. таила в себе глубокие противоречия. Буржуазные антикрепостнические революции XVIII в., особенно французская, оказали огромное идейное влияние на все страны Европы. Могучее влияние революционных идей в Германии сказалось прежде всего в гениальных произведениях философов и писателей второй половины XVIII и первой половины XIX в. Чтобы можно было судить о глубине и размахе, который приняла революция в сознании передовых представителей той эпохи, укажем на писателей: Лессинга (1729—1781), Гете (1749—1832), Шиллера (1759—1805), Гейне (1798—1856); на философов: Канта (1724—1804), Фихте (1762—1814), Шеллинга (1775—1854), Гегеля (1770—1831), Фейербаха (1804—1872).

Имена этих мыслителей говорят о великом взлете человеческой мысли в эпоху, предшествующую буржуазной революции 1848 г. в Германии. Самым великим и глубоким мыслителем из этой плеяды был Гегель. Энгельс пишет, что «...система Гегеля,—венец всего философского развития». Германия ускоренными темпами проходила революционную школу. «Подобно тому как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому перевороту»¹.

Энгельс вскрывает противоречия философии Гегеля, показывая великое значение разработанного Гегелем диалектического метода. Диалектика—вот то рациональное зерно, заложенное в философии Гегеля, которое Маркс и Энгельс сумели сохранить, отбросив гегелевский идеализм и создав материалистическую диалектику.

Истинный характер и революционное значение философии Гегеля состояли в том, что она раз навсегда положила конец всякой мысли об окончательном характере человеческого мышления. Гегель доказал, что истина состоит в длительном историческом процессе развития науки, что процесс познания есть поступательное движение от низшего к высшему. И так во всех областях человеческого познания и в истории. «Все, одни за другими появляющиеся в истории, системы общественных отношений представляют собою лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшего к высшему»². Диалектическая философия нанесла смертельный удар метафизике, уничтожила старые метафизические понятия о вечности и неизбежности явлений природы, общественных порядков и установленных наукой истин. «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого»³,—говорит Энгельс, характеризуя диалектику Гегеля.

Отдав должную дань философии Гегеля, Энгельс вскрывает и ее консервативные стороны. Гегель, как и все старые философы, строил философскую систему, которая должна была ответить на все решительно вопросы, возникающие в человеческой голове. Это стремление создать законченную философскую систему, в корне противоречащее диалектическому методу, вело неизбежно к тому, что

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 635.

² Там же, стр. 637.

³ Там же, стр. 637—638.

Гегель провозглашал все догматическое содержание своей философии окончательной истиной. У него выходило, что абсолютная идея, познав самое себя, опять возвращалась к исходному пункту и должна была как бы повторить заново тот же процесс развития, который она уже раз прошла. Гегелевская идеалистическая система, эта консервативная сторона его философии, пришла в столкновение с революционной стороной его философии—диалектикой, по существу отрицающей какие-либо пределы развития человеческого знания. Это было основным противоречием гегелевской философии.

Энгельс на немногих страницах с исключительной глубиной и блеском показывает, как гегелевская философия, являясь «венцом всего философского развития», была вместе с тем и последней философией в старом смысле слова.

Гегель был человеком всеобъемлющего ума и разносторонней учености. В своей системе он сделал попытку охватить все области знания. Им написаны произведения: «Феноменология духа»—учение о саморазвитии духа, «Философия природы», «Философия истории», «Философия права», «Эстетика», «Логика»—учение о законах познания и развития. Это была последняя в истории попытка создать науку наук—философию, которая заменяла бы собой и обнимала все науки.

Энгельс показывает, как развитие точных наук, великие открытия науки в различных областях (особенное внимание Энгельс обращает на открытие клетки, открытие превращения энергии и дарвиновскую теорию развития органического мира) дали возможность вскрыть истинную связь явлений в природе, сделав ненужной, бесполезной ту метафизическую спекуляцию старой философии, которая подменяла за недостатком исследованного материала действительные связи природы вымышленными. Развитие науки и развитие промышленности сделали ненужной старую, спекулятивно-метафизическую натурфилософию. Положительные науки вытесняли шаг за шагом из всех областей эту натурфилософию. На место прежних натурфилософий, пытавшихся из своей головы получить ответы на все не решенные еще наукой вопросы, встали развившиеся к этому времени и накопившие достаточный конкретный материал различные отрасли естествознания. «...Требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в

его поступательном развитии,—раз мы поняли это, философии, в старом смысле слова, приходит конец»¹,—говорит Энгельс.

Точно так же, говорит Энгельс, открытие теории исторического материализма делает ненужным всякого рода спекулятивные «философии истории» прежних философов. «...Исторические взгляды Маркса наносят философии смертельный удар в области истории, точно так же, как диалектический взгляд на природу делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию»².

Этим Энгельс не хочет сказать, как пытались его истолковать в данном случае всякие враги марксизма, начиная от кантианцев и позитивистов и кончая механистами,—будто марксизм отрицает вообще философию, будто у марксизма нет своей философии. Энгельс здесь же указывает на истинное содержание философской науки—марксизма: «учение о законах процесса мышления, логика и диалектика»³. Материалистическая диалектика есть, как известно, логика и теория познания марксизма. Материалистическая диалектика исследует общие законы развития природы, общества и человеческого мышления.

Из школы Гегеля вышло два направления: правое и левое. К левым гегельянцам вначале принадлежал Фейербах и в молодости Маркс и Энгельс. Левое гегельянство и явилось той ступенью, которая послужила шагом к выходу из гегельянства к марксизму. Последующим звеном между гегельянством и марксизмом была материалистическая философия Фейербаха.

Естествознание и промышленность делали огромные успехи и практически показывали всю несостоятельность идеализма, в том числе и гегелевского. Разрешения противоречий и вопросов, поставленных развитием общества и естествознания, не могла дать гегелевская философия. Не могли решить этих вопросов и младогегельянцы, оставаясь на позициях хотя бы даже и левого гегельянства.

Только материализм мог решить насущные вопросы науки и общественной мысли.

Надо было сделать решительный шаг вперед в истории человеческого познания, надо было вновь вернуться на почву материализма. «Тогда появилось сочинение Фейер-

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 640.

² Там же, стр. 676—677.

³ Там же, стр. 677.

баха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно это противоречие (между материей и духом.—*П. Ю.*), снова и без всяких оговорок провозгласив торжество материализма»¹. «Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха. С каким воодушевлением приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него,—несмотря на все его критические оговорки,—можно видеть из книги «Святое семейство»².

Фейербах, провозгласив материализм истиной, отбросил идеализм. Но, отвергая гегелевскую философию в целом, он недооценил диалектического метода Гегеля. Поэтому, а также и вследствие того, что Фейербах был загнан полицейским режимом Германии в глухую провинцию и не мог следить за «эпохосозидающими успехами естествознания», он не мог перейти к материализму диалектическому, оставшись во взглядах на природу на уровне старого, метафизического материализма. В понимании же общественной жизни Фейербах целиком оставался на позициях идеализма.

«Характеризуя свой материализм, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Фейербаха, как на философа, восстановившего материализм в его правах. Однако это не означает, что материализм Маркса и Энгельса тождественен материализму Фейербаха. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из материализма Фейербаха его «основное зерно», развив его дальше в научно-философскую теорию материализма и отбросив прочь его идеалистические и религиозно-этические наслоения. Известно, что Фейербах, будучи в основном материалистом, восставал против названия—материализм. Энгельс не раз заявлял, что Фейербах «несмотря на материалистическую основу, еще не освободился от старых идеалистических пут», что «действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии»³.

Энгельс развивает в «Людвиге Фейербахе» замечательную классическую критику основных черт ограниченности старого, домарксова материализма. Этот материализм был преимущественно механическим, указывает Энгельс. В этом он видит «...первую специфическую, неизбежную

¹ *Маркс и Энгельс*, т. XIV, стр. 642.

² *Там же*.

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 100.

тогда черту ограниченности...» старого материализма. Вторая специфическая черта ограниченности этого материализма—его метафизичность в смысле антидиалектики, в смысле «...неспособности его взглянуть на мир как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии»¹. И третья ограниченность старого материализма—отсутствие исторического взгляда на общество и идеализм в объяснении исторических явлений.

Маркс и Энгельс, преодолев идеализм гегелевской диалектики и ограниченность фейербаховского материализма, открыли научный метод познания мира—материалистическую диалектику, открыли научный метод познания общества—исторический материализм и создали новое мировоззрение—научный коммунизм.

Философская эволюция Маркса и Энгельса от левого гегельянства к диалектическому материализму была связана с переходом их на политические позиции пролетариата. Именно в процессе революционной борьбы против крепостничества и буржуазии Маркс и Энгельс создавали новое, коммунистическое мировоззрение. Философский материализм Маркса родился в огне классовых битв за освобождение рабочего класса. В пролетариате философия нашла материальное оружие, в философии пролетариат обрел могучее духовное оружие, говорил Маркс.

Развитие марксистской философии прошло длительную и славную историю борьбы с феодальным и буржуазным мировоззрением, с различными школами и направлениями идеализма. Марксу и Энгельсу при жизни пришлось сражаться с бесконечным количеством крупных и мелких защитников идеализма во всех областях знания. Воинствующий материализм из этих битв неизменно выходил победителем.

В работе «Людвиг Фейербах» Энгельс развертывает величественную картину победоносного шествия философского материализма. Философский материализм Маркса—Энгельса представляет собой науку, основанную на изучении всей предшествующей философии, политической экономии, истории, естествознания и на обобщении богатейшего опыта революционной борьбы пролетариата.

Теоретической основой, методом революционного марксизма является материалистическая диалектика. Ленин писал, что «применение материалистической диалектики

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 648.

к переработке всей политической экономии, с основания ее,—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹.

«Людвиг Фейербах»—одно из самых замечательных произведений марксистской философии, где учение о диалектическом методе дано в систематическом изложении таким блестящим знатоком диалектики, как Энгельс, который был одним из ее основоположников.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс дает классическую формулировку основного вопроса философии: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей, философии является вопрос об отношении мышления к бытию»². Что лежит в основе всей жизни: природа или дух, материя или сознание; что первичное: бытие или мышление? «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма»³.

Эти великие истины теперь стали простыми и доступными многим и многим трудящимся. Но нельзя забывать того, что за этими простыми истинами лежит обобщение всей истории философии и науки. Как бы ни пытались новейшие философские школы, вроде махизма, претендовать на «преодоление» и материализма и идеализма, подняться «выше» того и другого, они неизбежно остаются в рамках идеализма. Стоит только напомнить послемарксовские течения буржуазной философии, все эти крохоборческие «измы», чтобы видеть безграничную путаницу и пошлость, прикрываемые громкими словами и словечками,—неокаантианство, неогегельянство, неоянизм, интуитивизм, махизм, эмпириокритицизм, эмпириомонизм, эмпириосимволизм и пр. и пр. Несмотря на все многообразие и цветистость этих философских школок, все они, однако, укладываются по одной линии—по линии идеализма.

¹ Ленин, т. XVII, стр. 30.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 643.

³ Там же, стр. 644.

Ленин, развивая учение Энгельса, писал, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм»¹.

Энгельс, отстаивая свое классическое определение двух основных лагерей в философии, зло издевается над теми врагами материализма, которые, искажая подлинную суть философского материализма, доказывали, что материализм—это все то, что связано с порочными и низкими чувствами людей: алчностью, обжорством и вообще стремлением захватить побольше в свои руки всяких материальных благ. А вот идеализм, утверждали эти господа, есть стремление руководствоваться «идеальными» принципами. Громя этих врагов материализма, Энгельс указывал, что если считать идеалистом того, кто руководствуется «идеальными стремлениями», «...то всякий маломальски нормально развитой человек—идеалист, и непонятным остается одно: как могут быть на свете материалисты»². Всякий человек, который ставит себе цель или руководится какой-нибудь идеей, оказывается при таком понимании идеализма идеалистом.

Подлинно научный философский материализм не имеет ничего общего с той клеветой на материализм, которую распространяют идеалисты.

Энгельс, развивая учение о материализме, показывает, что только познание, которое основано на сознательном применении диалектического метода, способно наиболее правильно отражать мир. Если у Гегеля диалектика понятий была отражением диалектики духа, то материалистическая диалектика является отражением в человеческом мозгу объективных законов мира.

Материалистическая теория познания (она же и есть диалектика) учит, что люди потому познают законы мира, что сам человек есть часть этого мира, что его сознание обладает способностью отражать процессы, совершающиеся вокруг него. Понятия людей, как указывает Энгельс,—это снимки с действительных вещей. «...Диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира».

¹ Ленин, т. XIII, стр. 292.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 653.

«Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли»¹.

Энгельс последовательно, глубоко и остроумно опровергает идеалистические теории познания Канта и Гегеля. Самым великим принципом марксистской теории познания является признание за практикой решающей роли в познании. Вопрос о том, в какой мере человеческое мышление способно познать мир, в конечном счете решает практика, а не та или иная теория познания сама по себе, изолированно от практики.

«...Лучше всего разбиваются эти философские измышления, как и все другие измышления, самою практикой, т. е. опытом и промышленностью. Мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его вызываем, порождаем его из его условий и заставляем служить нашим целям. Таким образом, кантовской «вещи самой по себе» приходит конец»,— говорит Энгельс².

Энгельс приводит ряд примеров из области химии, астрономии и других областей знания и практики, доказывающих, что практика решает вопрос о правильности и способности человеческого мышления познать мир. Пудинг познается во время еды, остроумно замечает Энгельс.

Великое в гегелевской философии—его диалектика, учение о развитии,—было спасено Марксом и Энгельсом. Однако диалектика Гегеля была идеалистической: это был метод саморазвития и самопознания абсолютной идеи. Но великая мысль Гегеля, что в мире ничего нет вечного и неизменного, что мир состоит не из готовых и законченных вещей, а есть совокупность процессов, что развитие в мире идет через возникновение, борьбу и разрешение противоречий, что поступательное развитие мира, несмотря на кажущуюся случайность и отступления в сторону, строго закономерно,—эта великая мысль Гегеля была положена в основу новой философии, созданной Марксом и Энгельсом.

Эта идея, эта мысль Гегеля, не просто была перенесена в философию марксизма, а в корне переработана. В основу всей философии Маркс и Энгельс положили законы природы и общества как объективные законы, существующие

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 663.

² Там же, стр. 645.

во внешнем мире. Тем самым диалектика Гегеля была поставлена с головы на ноги. «Таким образом, снова выступила вперед революционная сторона гегелевской философии, освобожденная на этот раз от тех идеалистических обшивок, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение»¹.

2

Наряду с развитием философских проблем марксизма, Энгельс в «Людвиге Фейербахе» дает обстоятельный разбор общественных взглядов Гегеля и в особенности Фейербаха, показывая со всей убедительностью, как Фейербах, будучи материалистом в понимании природы, остался идеалистом в понимании законов общества.

Энгельс, разбирая взгляды Фейербаха на историю, показывает, что Фейербах в понимании общественных законов остался идеалистом, не сделав ни одного шага вперед в этой области. Фейербах был «материалистом снизу и идеалистом сверху»,—говорит Энгельс. У Фейербаха вообще отсутствовала историческая точка зрения в понимании законов общественной жизни. «Историческая область для него, вообще, неудобна и неуютна» (Энгельс). Фейербаховское учение об обществе не идет дальше абстрактных рассуждений о человеке как индивидууме, не связанном с окружающей общественной жизнью, с материальными условиями существования людей. Его человек—абстракция, отвлеченное существо, живущее вне времени и пространства, независимо от способа производства, от классовой борьбы. Его человек вообще есть существо нереальное. Потому-то Фейербах и вынужден был свести свои исторические взгляды к морализующим рассуждениям о «человеческой любви» как основе жизни. А эта любовь, как ее понимает Фейербах, есть не что иное, как особый вид религии, с которой Фейербах раздвывается в своих философских произведениях.

Фейербаховская теория морали выглядит тощей и бесплодной, неспособной объяснить поступки людей.

В основу своего учения о морали Фейербах кладет общие, абстрактные, ничего не говорящие положения буржуазных идеологов о том, что человеку свойственно «стремление к счастью», что «по своей природе» человек

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 664.

добр, что все люди имеют равное право на счастье. Фейербах не мог выпутаться из противоречий окружавшей его действительности, не мог понять ни законов общества, ни классовой борьбы, ни мотивов поведения людей.

Энгельс следующим образом резюмирует взгляды Фейербаха на вопросы морали:

«С моралью Фейербаха случилось то же, что со всеми ее предшественницами. Она выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний и именно потому, она неприложима нигде и никогда». «Таким образом, из его философии улетучиваются все следы ее революционного характера и в ней остается лишь старая песенка: любите друг друга, лобызайтесь любезно все, без различия пола и звания—всеобщее примирительное похмелье!»¹.

Вскрыв всю несостоятельность взглядов Фейербаха на законы исторического развития, Энгельс переходит к изложению материалистического понимания законов общественной жизни.

Энгельс устанавливает, что законы природы и законы общества в основе своей едины, что и в природе и в обществе действуют объективные материальные силы, подчиняющиеся определенной закономерности. «Но то, что применимо к природе, понятой теперь как исторический процесс развития, применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся человеческими и (божескими) предметами»².

Установив принципиальное единство законов развития природы и общества, Энгельс переходит к выяснению того нового и отличного, что дает развитие общественной жизни. Применение материалистической теории развития к обществу, перенесение законов диалектики на историю являются величайшим открытием во всемирной истории. Ленин об этом писал:

«Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм Маркса*»³.

Различного рода враги марксизма, вроде Каутского, Бернштейна, вроде Троцкого, Бухарина, пытались извращать

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 660—661.

² Там же, стр. 666.

³ Ленин, т. XVI, стр. 350.

тить учение марксизма и в этом вопросе. То они объявляли законы природы целиком применимыми к законам общества, объявляли полное тождество законов природы и законов общества, то они провозглашали их принципиальную противоположность и несовместимость. И в том и в другом случае они вели борьбу против марксизма, причем часто свои вражеские «теории» прикрывали марксистской фразеологией.

Марксизм-ленинизм стоит на той точке зрения, что законы природы и общества в основе своей едины: это законы развития объективного, от сознания людей не зависящего, внешнего материального мира. Это положение Энгельса блестяще развито в четвертой главе сталинской «Истории ВКП(б)».

«Если природа, бытие, материальный мир является первичным, а сознание, мышление—вторичным, производным, если материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности, то из этого следует, что материальная жизнь общества, его бытие также является первичным, а его духовная жизнь—вторичным, производным, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия»¹.

Развитие внешнего мира проходит различные ступени, принимает различное содержание и форму. На более высокой исторической ступени развитие становится более сложным и многообразным. В высших формах развития сохраняется, но уже в переработанном и измененном виде, предшествующее развитие. Изменяются пространственные и временные условия, изменяется внешняя и внутренняя обстановка процесса развития. Соответственно этому и законы видоизменяются: принимают новую форму и новое содержание.

Энгельс выясняет особенности законов развития общества сравнительно с законами развития природы. Законы диалектики применимы и к природе и к обществу.

«Но история развития общества,—пишет Энгельс,—в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе (поскольку мы оставляем

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 110.

в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознательной, желанной цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, показывающих, что среди всех этих случайностей явления совершаются сообразно общим законам. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели... Но как ни важно это различие для исторического исследования,—особенно отдельных эпох и событий,—оно нимало не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами»¹.

Далее Энгельс показывает, как складываются общественные законы. Люди ставят определенные цели и добиваются их осуществления в ходе практической жизни. Но цели, поставленные различными людьми, приходят во взаимные столкновения и противоречия. Эти столкновения и противоречия, говорит Энгельс, в области истории приводят к тому же положению, что и в природе, где господствуют бессознательные, слепые силы. Результаты действий отдельных людей получаются совсем иные, чем те цели, которые они ставили.

Оказывается, что на поверхности событий действуют случайные силы. Внешне получается, будто бы общественная жизнь сплошь состоит из этих случайностей. Но при ближайшем внимательном изучении истории выясняется, что в основе всей жизни общества лежат определенные законы, и эти объективные законы в конечном счете определяют и те цели, которые люди себе ставят, и те результаты, которые они получают.

«Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни—представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества.

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением «случайностей», ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 667.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях «разума», «всеобщей морали» и т. п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей»¹.

На страницах наших журналов до выхода в свет «Истории ВКП(б)», к сожалению, часто встречалась неправильная постановка вопроса о законах общественного развития. Нередки были случаи, когда авторы вместо исторического материализма преподносили подделанный под марксизм идеалистический взгляд, что, мол, при социализме материальные законы, лежащие в основе общества, уже не действуют, а все зависит от нашего желания. Такого рода горе-теоретикам следовало бы знать точку зрения классиков марксизма-ленинизма. Энгельс так определяет процесс возникновения исторических законов:

«Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательные цели, а в результате множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история»².

И при социализме действуют объективные законы, определяя ход истории. Как раз социалистическое общество подтверждает всю силу и мощь марксистско-ленинского учения об обществе. Все дело в том, что надо правильно понимать законы общественного развития при социализме, надо видеть то новое, что вносит социализм в ход исторического развития.

Известно, что законы капитализма стихийны. Они, как слепые силы природы, обрушиваются на людей. Анархический характер капиталистического производства делает невозможным равномерное распределение производства в соответствии с потребностями трудящихся масс. Погоня за прибылью, за рынками сырья и сбыта приводит к глубоким экономическим кризисам и военным столкновениям.

Социалистический способ производства принципиально отличен от капиталистического и противоположен ему. В социалистическом хозяйстве действуют иные законы. Социалистический способ производства основан на плановом начале. Плановый характер нашего хозяйства, отсутствие эксплуатации и эксплуататорских классов

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 109.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 667.

исключают возможность перепроизводства и экономических кризисов.

Тем не менее, социалистическое хозяйство и социалистическое общество в целом развиваются на основе объективных материальных законов. Развитие материальных производительных сил как основа всей жизни общества является в конечном счете решающим фактором, от которого зависит весь строй общественной жизни при социализме. Уровень развития производительных сил в данный момент определяет и темпы и характер роста хозяйства в будущем. Одна из особенностей социалистического хозяйства, ведущегося по плану, состоит в том, что все объективные и субъективные факторы используются наиболее целесообразно; это является величайшим преимуществом нашего хозяйства и обеспечивает небывалые по сравнению с капитализмом темпы экономического развития. Эти основные положения исторического материализма гениально развиты в четвертой главе сталинской «Истории ВКП(б)».

«При социалистическом строе, который осуществлен пока-что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципа: «кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

Поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей.

Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития»¹.

Энгельс, исследуя исторические законы, пишет, что «в головах людей непременно отражается все то, что

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 121—122.

побуждает их к деятельности, но *как* отражается—это зависит от обстоятельств»¹.

Вот это и надо особо учитывать, когда речь идет о социализме. Обстоятельства жизни людей при социализме таковы, что народ понимает принципы социалистического хозяйства, понимает, что социализм может процветать при условии быстрейшего развития его производительных сил, при условии борьбы со всеми врагами социализма. Именно поэтому при социализме цели и желания отдельных людей все больше и больше совпадают с целями и желаниями всего общества.

Коммунистическая партия является единственной организацией, которая наиболее глубоко и последовательно выражает интересы народа. Отсюда в нашей жизни такое явление, как исключительный авторитет и любовь народа к партии. В ее решениях, в ее линии народ видит свою волю, свои цели и желания.

Исторические законы при социализме также складываются в результате деятельности отдельных людей, трудящихся масс. Новое здесь состоит в том, что результаты практической деятельности людей все больше совпадают с целями, которые ставят перед собой люди.

Энгельс, выясняя причины, которые лежат в основе поведения людей, указывает, что в конечном счете определяющим в поведении людей является развитие производительных сил и условий обмена. А раз вопрос поставлен так, то становится очевидным, что в обществе, разделенном на классы, именно интересы классов определяют желания и действия людей. Гражданское общество, т. е. экономические отношения, лежат в основе всей жизни людей. Государство и весь строй политической жизни подчинены экономическим отношениям: «...Государство, говоря вообще, есть лишь более или менее сложное отражение экономических нужд класса, господствующего в области производства...»²

Вопросы государства и права в «Людвиге Фейербахе» рассматриваются в связи с общим марксистским учением об обществе. Это особенно ценно для нас потому, что именно в этих вопросах враги народа навредили очень много. Юридический кретинизм, отрыв права от экономики настолько въелся в головы наших правовиков, что

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 669.

² Там же, стр. 671.

даже теперь, после разоблачения врагов и вредителей, отрывка этого в отдельных случаях еще имеет место.

Энгельс следующим образом формулирует вопрос о зависимости государства и права от экономики:

«Государство и государственное право определяются экономическими отношениями. Само собой понятно, что то же приходится сказать и о гражданском праве, роль которого, в сущности, сводится к законодательному освящению существующих, при данных обстоятельствах нормальных, экономических отношений между отдельными лицами»¹.

Это классическое положение исторического материализма никак нельзя упускать из виду в тех случаях, когда речь идет об определении существа государства и права.

Чтобы подчеркнуть служебную роль государства и права по отношению к экономике, Энгельс очень образно сравнивает государство с человеком. Он говорит, что у отдельного человека все побуждения проходят через голову, прежде чем он станет действовать. «Точно так же и все потребности гражданского общества... необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания»².

На немногих страницах Энгельс дает исчерпывающее изложение теории исторического материализма. Показав зависимость государства от экономики, он вскрывает те извращения, которые в голове буржуазных ученых и политиков принимают вопросы государства и права.

Государство само порождает новый вид идеологии— всевозможные виды права. Государство, обладающее силой над обществом, и право, обрушивающееся на людей как сила, стоящая над ними, порождают представление, что именно государство и право, а не экономика, лежат в основе жизни общества. Специалисты правовых наук начинают воображать, что право имеет самодовлеющую силу и независимо от экономических и других общественных отношений. «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права, у юристов, занимающихся гражданским правом, экономические отношения совсем исчезают из виду»³.

Энгельс, далее, рассматривает и другие виды идеологии: философию и религию. Эти идеологии еще дальше отстоят от экономики, связь этих идеологий с экономикой

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 672.

² Там же, стр. 671.

³ Там же, стр. 673.

еще менее ясна, особенно если учесть, что идеологии в своем развитии имеют и внутреннюю закономерность и историческую преемственность. Известно, что существующий уровень науки служит той почвой, на которой только и может происходить дальнейшее развитие науки. Ни одна из идеологий не может отказаться от предшествующего исторического пути. Все эти обстоятельства дают повод к тому, чтобы провозгласить идеологию независимой от экономики. Особенно так поступают с такими идеологиями, как философия и религия. На самом же деле в каждый данный исторический момент содержание идеологии определяется интересами того класса, который является носителем этой идеологии. Даже отбор или заимствование из предшествующего развития идеологии происходит с учетом современных интересов.

Энгельс подробно разбирает с этой точки зрения вопрос о религии, «...которая всего дальше отстоит от материальной жизни и, повидимому, всего более чужда ей». Энгельс показывает, как религия возникла еще в доклассовом обществе, развивалась и видоизменялась в зависимости от исторических условий, в которых жили народы. В эпохи классовых противоречий и классовой борьбы религия принимает, несмотря на свое «неземное» существо, весьма и весьма земное содержание. Религия стоит на стороне экономически могущественных эксплуататорских классов. «При этом каждый из господствующих классов эксплуатирует свою особую религию: землевладельцы—католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию; либеральные и радикальные буржуа—рационализм. Вдобавок, на деле оказывается совершенно безразличным—верят или не верят сами эти господа в свои религии»¹.

Теперь, в наше время, более чем очевидна классовая сущность религии. История борьбы за социализм показала во всей наготе все религии, все их направления.

3

Мы старались изложить кратко содержание книги Энгельса «Людвиг Фейербах». Эта книга полстолетия служила великим орудием рабочему классу. В наше время, в эпоху торжества социализма, поколения, вступающие на

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 676.

арену самостоятельной политической жизни, должны вырабатывать стройное научное марксистско-ленинское мировоззрение. Книга Энгельса в этом деле принесет величайшую пользу. В ней дано цельное изложение всего мировоззрения марксизма. Ее, эту книгу, должен изучать и начинающий приобщаться к великой сокровищнице марксизма—к его философии, и прочитавший уже много книг из различных областей знания. Всякому, кто прочитает эту книгу и изучит ее, она даст необычайно много: он почувствует, насколько он вырос, какое глубочайшее научное удовлетворение он получил.

Как и другие великие творения классиков марксизма-ленинизма, эта книга ни в чем в основном не устарела. Она современна от начала до конца.

Мракобесие и идеализм, против которых воюет Энгельс, еще живы и принимают самые чудовищные формы, особенно в странах фашизма. Фашизм—наиболее злое и чудовищное выражение самого гнусного и подлого чело-веконенавистничества. В фашизме нашли свое законченное выражение все виды зверства, одичания, идейного оскудения, морального падения и цинизма.

Фашизм ведет поход против всего лучшего, что создано человеческой духовной культурой, ведет поход против классической философии, против классической политической экономии, против классической литературы. Предание забвению величайших творений человеческого гения, изгнание из университетов подлинной науки и замена ее всякого рода расовыми бреднями, «мифами крови» и прочими фашистскими «премудростями», долженствующими заменить собой науку,—вот мерзкая личина фашизма.

В арсенале борьбы против гнусного фашистского мракобесия книга Энгельса «Людвиг Фейербах» является величайшим оружием, сокрушительно разящим врага. В заключении своей книги Энгельс пишет:

«Только в среде рабочего класса продолжают теперь жить старые немецкие теоретические интересы. И отсюда их ничем не выживешь». «Немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии»¹.

Эти слова, которыми Энгельс заканчивает свою книгу, звучат так же злободневно, как и тогда, когда были написаны. Они полны правды по отношению к сегодняшней Германии. Сколько бы Геббельсы и Розенберги ни

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 677, 678.

зверствовали, как бы ни старались они выжечь каленым железом, задушить тюрьмой и виселицей в немецком народе его вековую культуру, его величайшие завоевания в науке, как бы ни пытались они привить ему отвращение к теории,—немецкий рабочий класс останется хранителем того великого, что создано для человечества немецким народом. Теоретические интересы из рабочего класса ничем не выживешь. Немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии.

Великий немецкий философ Гегель говорил: «Иногда кажется,... что всемирный дух останавливается, что он утрачивает свое вечное стремление к самопознанию. Но это только так кажется. На самом деле в нем совершается тогда глубокая внутренняя работа, незаметная до тех пор, пока не обнаружатся достигнутые ею результаты, пока не разлетится в прах кора устарелых взглядов, и сам он, помолодев, не двинется вперед семимильными шагами. Гамлет восклицает, обращаясь к духу своего отца: «Подземный крот, ты роешь славно!» То же можно сказать о всемирном духе: он роет славно!»¹

То же можно сказать и о немецком рабочем классе. Фашистам кажется, что они умертвили великий революционный дух немецкого рабочего класса. Но это только так им кажется. На самом деле в нем совершается глубокая внутренняя работа. Плоды этой работы скажутся—и тогда разобьется вдребезги, разлетится в прах все кажущееся «могущество» фашизма.

Взгляды, изложенные Энгельсом в «Людвиге Фейербахе», вошли в сокровищницу марксизма как его золотой фонд. Полстолетие, прошедшее со дня издания этой книги, необычайно обогатило марксизм в целом, борьба пролетариата и развитие науки подтвердили целиком правоту этого учения.

Ленину и Сталину принадлежит великая заслуга очищения марксизма от тех опознаний, которым подвергли его оппортунисты II Интернационала и троцкистско-бухаринские фашистские бандиты. Ленину и Сталину принадлежит величайшая заслуга развития марксизма во всех, решительно во всех основных вопросах.

В борьбе с врагами марксизма, в своей работе над обогащением марксизма Ленин и Сталин уделяли исключительное внимание «Людвигу Фейербаху» Энгельса.

¹ Цит. по Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XVIII, стр. 141—142.

Достаточно указать на то, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» берет этот труд Энгельса в основу своей борьбы с махистами. Следует отметить и то обстоятельство, что, когда Плеханов, которого как философа-марксиста Ленин очень и очень высоко ценил, допустил ошибки в понимании опыта и в теории познания (известная иероглифическая теория), Ленин опирался на положения «Людвига Фейербаха», защищая материалистическую теорию отражения.

Товарищ Сталин точно так же в своих работах опирается на это произведение Энгельса. Товарищ Сталин писал в работе «Анархизм или социализм»:

«Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно так, как она в действительности существует. Жизнь находится в непрерывном движении, стало быть наш долг рассматривать жизнь в ее движении, в разрушении и созидании». «Сознание и бытие, идея и материя—это две различные формы одного и того же явления, которое называется, говоря вообще, природой». «Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах—в идеальной и материальной,—вот как нам надо смотреть на развитие природы...

Таков монизм материалистической теории Маркса»¹.

В этих положениях товарища Сталина дано глубокое определение философского монизма Маркса, направленное против вульгарного противопоставления материи и духа. В этих формулировках товарищ Сталин развивает положение Энгельса, приводимое в «Людвиге Фейербахе»:

«Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые, в сущности, тождественны, а по форме различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, а большей частью пока еще и в человеческой истории, они действуют бессознательно, в виде внешней необходимости посреди бесконечного множества кажущихся случайностей»².

В своей борьбе с троцкистами и бухаринцами за ленинизм, развивая основы ленинизма и показывая, что Ленин поднял материализм Маркса и Энгельса на новую, более

¹ Цит. по книге Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 115, 117, 118, 1938 г.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 663.

высокую ступень, товарищ Сталин опирается на работу Энгельса «Людвиг Фейербах»:

«Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм»¹.

«Людвиг Фейербах» Энгельса—книга неисчерпаемой глубины. Всякий, желающий понять марксизм, его философское учение в целом, всякий, изучающий марксизм как мировоззрение, должен прочесть эту книгу.

Энгельс говорил, что с тех пор, как социализм стал наукой, его надо изучать, как и всякую науку. В изучении социализма как науки книга Энгельса служит великим источником обогащения познания миллионов людей.

«Людвиг Фейербах» и дальше будет служить мощным оружием, овладев которым марксисты-ленинцы будут еще сильнее разить врагов коммунизма.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 14, изд. 10-е.